

ПИТИРИМ СОРОКИН

ПОЕЗДКА НА СЕВЕР

Мало кому известно, что выдающийся русско-американский социолог Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) был также поэтом, романистом, литературным критиком. Эта сторона деятельности П. А. Сорокина еще ждет своего исследователя.

Уроженец зырянского села Турья и сам полузырянин (по матери), он до приезда в Петербург в 1908 году жил в архангельско-вологодской глуши и на всю жизнь сохранил любовь к этим местам. (Отмечу, что первые научные труды П. А. Сорокина были опубликованы в «Известиях Архангельского общества изучения русского Севера».)

Парадоксальность ситуации заключается в том, что научные труды американского периода жизни П. А. Сорокина переведены на все основные языки мира, в том числе на китайский, а труды российского периода (их немало) остаются неизвестными мировому научному сообществу. А в современной России имеется лишь смутное представление о месте и значении личности «американца» П. А. Сорокина (он приехал в США в 1923 году, в 1930-м стал гражданином этой страны) в научном мире. В недавно опубликованной биографии П. А. Сорокина (Barry V. Johnston. Pitirim A. Sorokin. An Intellectual Biography. Univ. Press of Kansas. 1955) российский период жизни П. А. Сорокина «уместился» всего на 20 страницах...

Хотя формально П. Сорокин — «американец русского происхождения», по духу он был русским ученым, работавшим в Америке.

В 1911 году, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, П. А. Сорокин совершил очередную поездку на Север. Впечатления от нее опубликовал в выходившем в Вологде «Вологодском листке» летом-осенью того же года¹.

Уверен, что читатель будет захвачен «путевой прозой» П. Сорокина с первой же строки.

Юрий Дойков

Писать дорожные письма — дело вообще нелегкое, читатель!

С одной стороны, быстро перелетая с места на место, трудно изучить серьезно каждый пункт остановки. Да к тому же, коли будешь серьезным, то того и гляди, что постигнет автора участь Карамзина, т.е. никто не будет читать, кроме гимназистов, а эти юноши ежели и будут читать, то не раз пошлют «ко всем чертям» и автора и его письма (у Карамзина, чай, частенько-таки переворачивались в гробу косточки от таких пожеланий). К этому нужно прибавить и то, что «сурьезность» теперь и не в моде. Вот какие мытарства грозят «сурьезному» путешественнику! С другой стороны — избегая «сурьезности» — того и гляди, что впадешь в пустую болтовню.

Надоел, перестань, Христа ради, переливать из пустого в порожнее — скажешь ты. И это малоутешительно... Но делать нечего. Уж коли выбирать что из этих двух бед, то я выбираю последнюю. Пусть уж лучше назовут «болтуном», чем «мучителем душ и телес гимназических».

Буду болтать и плести «пестрое кружево» о том, что Бог на душу положит. Ко-

¹ Благодарю вологодского краеведа Л. С. Панова, указавшего несколько лет назад на эту публикацию П. А. Сорокина.

ли смешно — посмеюсь, коли грустно — погрущу, а может быть, кой-где и в «сурьезность» пушусь...

Да и жизнь-то сама, читатель, разве не так же многолика и разногранна? И она ведь нестройна, как «русская действительность», бессистемна, как г. Вологда и пестра, как «шахмаченое» одеяло устюжан! Коли сама жизнь уж такова, то нам и подавно приходится быть «пеструшками». А впрочем, я предупредил тебя на всякий случай, а теперь как хочешь — дело твое, а я иду дальше...

Погода была препакостная, когда «Преподобный Зосима» (северно-общественный пароход) отчалил от Вологодской пристани...

— Выехал из Питера, думал, что с удовольствием проедусь, отдохну на пароходе — а тут вон что... хуже Питера, — жаловался знакомый студент, оказавшийся коллегой по каюте. — Сиди в каюте и зевай...

Север встречал нас неласково... От нечего делать завели разговоры. Оказывается, он едет на статистические работы, производимые в Устюжском уезде земством...

Работа интересная и, безусловно, ценная... «Тем охотнее я еду, что статистика в России всего лучше поставлена земством...»

Нельзя было не согласиться с ним, особенно принимая во внимание лично знакомую мне постановку статистики в «Печорской экспедиции» П. И. Соколова¹, где значительная часть статистиков работала, что называется, «без всякого толку», да и со статистикой была знакома столько же, сколько я с жителями Марса. Честь и хвала земству!

Дальше пошли речи о методах статистики, о математической статистике, вспомнили «молодого Чупрова»², перескочили к Петражицкому³ и его теории, а оттуда — к закону 9-го ноября... Заспорили, а через полчаса, не окончив спора, пошли чай пить... В столовой, словно нарочно, шел разговор на ту же тему.

Сидели и «дули» пиво три фигуры. Фигуры солидные, прочные, «почвенные»... На жилетах красовались цепочки, а у каждого на пальце виднелось по золотому кольцу...

— Что говорить, теперь народ — озорной стал. Нет для него ни законов, ни порядка, — говорила одна фигура... — Сколько возни было с нарезкой!

— Не дадим, говорят, выделиться и шабаш. Спасибо, начальство помогло, а то бы не нарезали... Да и нарезать-то хотели самую дрянь. Но шалишь, брат, против закона не пойдешь — я взял-таки свое...

— А у меня так грозят все спалить и самого убить.

— И у меня тоже, но Бог не выдаст, свинья не съест.

— Да, озорничества теперь не оберешься, прямо-таки негодный народ стал...

Очевидно, перед нами были «приспособленные» и победители из «ставки на сильных»...⁴ Спокойно и с сознанием своего права они выносили приговор народу, опоражнивая стакан за стаканом...

Интересно было бы поглубже изучить это новое издание «Колупаевых и Разуваевых», но..., читатель, не забывайте, я ведь так болтаю... Ежели интересно, то идите к статьям покойного Коновалова в «Русском богатстве» и «Современном мире». А насчет того, что выйдет из этого распыления деревни, — обратитесь хотя к статьям Ковалевского, Виноградова и др. Там это все доподлинно расписано...

А пароход все шел и шел... Дождь не переставал лить...

Наконец пароход принужден был остановиться на ночь. Не безопасно было двигаться ночью при таком сумасшедшем ветре...

Другой день был серый и тихий в стиле Левитана...

И на душе было тоже пасмурно... Внизу в 3-м классе в «отдельных местах» ехал народ. Те же лица, фигуры, что и раньше приходилось видеть... Та же нужда и та же забитость...

¹ В 1908 и 1909 гг. П. А. Сорокин работал в качестве статистика в «Печорской экспедиции» П. И. Соколова, которая занималась поиском земель для сельскохозяйственной колонизации.

² А. А. Чупров (1874—1926) — статистик, экономист, математик. В 1902—1917 гг. преподавал в Петербургском политехническом институте.

³ Л. И. Петражицкий (1817—1931) — юрист, социолог, профессор юридического факультета С.-Петербургского университета. В 1917 г. эмигрировал в Польшу.

⁴ Имеется в виду принцип аграрной политики П. А. Столыпина.

— Ой, родимый, как же мне быть-то... Ведь от Шуйскова-то до меня 15 верст, как же с котомкой-то я побреду, — говорила помощнику капитана старушка...

— А уж как хочешь, вылезай либо в Шуйском, либо на следующей пристани. Не останавливаться же из-за тебя...

— А нельзя ли, родимый?

— Говорят тебе, нельзя... Не наша воля...

И долго еще старушка упрашивала помощника, но логика жизни была неумолима... И у помощника такое симпатичное лицо, но, очевидно, тут, как и повсюду, была «не наша воля» и «нельзя»...

И много еще других сцен здесь было, но... «все это было когда-то» и таким осталось и теперь.

Оживление Севера, о котором теперь трубят на всех улицах и перекрестках, пока что мало заметно, исключая разве того, что почти все пароходства исчезли, а ожило и превосходно зажило только Северное общество. (Фигуры «победителей» в счет нейдут.) Но поедем дальше — увидим...

Приехали утром в Устюг... Яркое солнце играло на крестах и куполах «Мироносицы», и церкви, издали белые и чистые, выстроившись в ряд, стояли, окруженные синевой неба.

Это было красиво... Красив Устюг с реки... Весь берег усеян церквями, а там, вдали, одиноко белеется Троицкий монастырь... Зелень, синева неба, белизна зданий и румяно-золотая гладь Сухоны вместе с звоном колоколов составляли что-то целое, стройное, успокаивающее душу...

— Эй, барин, довести, што ль? — по-домашнему обращается извозчик...

— А сколько до Красной горы?

— Да положишь семь гривен.

— Много, полтинник.

— Ну, ладно, садись.

Все это говорится просто и своеобразно мило...

Вот я и в Устюге. Город, конечно, вам известен... Я коснусь лишь того, что не сразу бросается в глаза...

Устюг, как вам известно, город древний и город купеческий...

А купцы — народ «сурьезный» и степенный. Поэтому и Устюг — город серьезный и степенный. Одних церквей-то сколько!.. и везде «благочиние». Правда, не так давно рухнул свод в церкви Иоанна Блаженного (к счастью, после службы), но это не в счет...

Раньше город был точь-в-точь таким, каким надлежало ему быть как городу купечества.

Но теперь потихоньку идет «культура»... «Север оживает». Кафтаны больше нет, а все модные костюмы, сорочки, тросточки и т.д. Если бы встретили устюжанина, то не отличили бы его по костюму от европейца. Все чин чином... По правде говоря, насчет моды он не отстает почти от Питера. В Питере узкие юбки и в Устюге тоже... В Питере — «брюки с колоколами» и в Устюге тоже... Если наблюдать костюмы в начале лета несколько годов, то вы видите любопытную вещь: в прошлый год все девицы носили «макинтоши», теперь — все в «новейшего фасона» жакете, в прошлом году на голове каждой «фрекен» была кэпи, теперь — какой-то шлем, нечто вроде шлема Афины-Паллады. О, Устюг вообще насчет моды и «подражания» не уступает обезьянам... Культура — значит, а раз культура — то и автономия должна быть.

— Мы, устюжане, народ гордый, да так нас и прозвали, кланяться не любим, — говорил мне один устюжанин... — Да и с чего кланяться! Слава Богу, сыты, обуты, одеты... а больше чего и нужно.

— Да, да... Обуты, одеты и сыты, чего ж и нужно устюжанину. Разве поспать? Так спи вдоволь. Пуховики и «шахмаченые» одеяла такие — каких не найдешь нигде.

Захочется устюжанину совершить «променады» — места великолепные кругом... д. Гребешок, Богородское, Троица, Дымково — вот Елисейские поля Устюга... Начиная с апреля и кончая августом устюжанин совершает «променады» и наслаждается на лоне природы... Народу на «променадах» (попросту, на гулянках) видимо-невидимо... Балаганы с «бакалеей», самовары, прохладительные напитки, медовики и пряники — все к его услугам... Даже музыка... И лежит себе устюжанин на «лоне природы» и попивает чаек с медовиками. А коли в «животе» будет тяжельно — встанет, пройдет и опять за чаек... Иногда для разнообразия кто-нибудь «по милому делу» подерется — и это хорошо.

Как во всяком благоустроенном городе, есть в нем и кинематограф «Модерн»... И целых два клуба: «Всесловное собрание» (не спутайте с «генеральными штатами») и клуб приказчиков...

Уже из одного этого видно, что раз «всесловное собрание», то, значит, кастовые перегородки пали, а раз клуб приказчиков, то, значит, Устюг далеко ушел по пути прогресса, ибо Спенсер доказал, что прогресс есть дифференциация и т.д. (Основн<ые> начала)¹. К слову сказать, дифференциация видна не только в этом, но и во многом другом. Напр., патриции г. Устюга не любят бывать в клубе плебеев, сиречь приказчиков; одно и то же ремесло уже распалось здесь на ряд разновидностей, напр., читая вывески, вы видите: «крючник», «крюкопосадный мастер» и т.д. Чего ж еще нужно... Конечно, одно (дифференциация) как будто не мирится с другим (всесловное), но поживите в Устюге, так увидите, как можно соединить несоединимое и объять необъятное... Ну, возьмите хоть следующее: разве нормальный человек может одинаково любить или примирить хотя бы Ибсена и Нат Пинкертон? — Конечно, нет... А устюжанин примиряет. Ставят во «всесловном» Ибсена, он идет и хлопает, ставят «похождения» Шерлока Хольмса — он идет и так же хлопает.

Дают ему Толстого — он читает, дадут Вербицкую — тоже... Впрочем, тут я наврал. Судя по разговорам, Вербицкая читается нарасхват... Ведь «ключи счастья» и устюжанину нужно знать... Вообще устюжанин читает по-своему. Два-три года тому назад он выписывал (конечно, под влиянием ссыльных) «Речь», «Русское богатство», массу книг по общественным вопросам... Земская библиотека ломилась от книг, а черносотенной прессы в ней и духу не было. Теперь «Земщина», «Русское чтение», «Россия», «Голос Москвы», «Потешный» и... «Вестник воздухоплавания»... А книг не прибыло, а убыло... Почему уж (кто его знает) книги вдруг поднялись и улетели... только их и видели... Даже такие солидные по комплекции, как труды Ковалевского по первобытному праву, как курсы статистики, — и те исчезли... И с чего такие «солидные» книги задурили — кто его знает. Впрочем, понятно, пожалуй... Общественные вопросы теперь не в моде, а раз не в моде... и с глаз долой... А вот авиация — это «гвоздь времени», а раз гвоздь сезона, то нельзя же «культурному» устюжанину быть без авиации — поэтому подавай сюда «Вестник воздухоплавания». Пусть его никто не читает, но все же он лежит, есть, а чего же еще нужно — не читать же все, что выписываешь, тут, чего доброго, и с ума сойдешь...

Коли уж заговорили о культуре, то никак нельзя не упомянуть вот о чем... Газеты в Устюге еще нет, а заменяется она объявлениями на заборе... Прочтите-ка их — сразу видна литературность. Вот образец: «Многоуважаемым гг. заказчикам и заказчикам». «При сем имею честь довести до сведения и желая произвести в расширенном виде, воспользоваться восторженным отзывом клентов о своем музыкальном производстве, удостоиться за доброе и элегантно и изящное выполнение работ, как за точность и аккуратность исполнением заказа. Починка, как голосовых, струнных и духовых музыкальных инструментов. Имею честь быть с совершенным почтением Ив. Ал. Александров».

Что за прелесть одно объявление! Как ловко пущено слово «клентов», «изящный, элегантно»! Все это напечатано в типографии и просмотрено исправником!

Север оживает, г. читатель, не шутите. И лирика для газеты бы нашлась. Напр., чем плохо такое стихотворение: «В восемь утра был затор, а по этому случаю Гущин выпил стакан чаю».

Да. Культура идет быстро. Вот например, каких-нибудь два года назад в Устюге не было освещения. Балаганный клоун, приехавший на «Прокопьевскую»², год из году повторял одну и ту же остроту.

— А знаете, какое в Устюге освещение?

— Керосинное? — отвечает его коллега.

— Нет.

— Газовое?

— Нет.

— Электрическое?

¹ Герберт Спенсер (1820—1903) — английский социолог, автор труда «Основные начала».

² Ежегодная ярмарка в Великом Устюге, проходившая с 1 по 10 июля.

— Вот, вот, как темною ночью стукнутся лбами два горожанина, так сразу электрические искры и посыплются из глаз.

Теперь Устюг имеет освещение. Вздумал исправник устроить это дело и живо оборудовал. Послал по купечеству городских.

«Пусть подписываются» и... готово. Устюг осветился.

Вот что из себя представляет Устюг.

Говоря серьезно, раньше он был лучше, стильнее, самобытнее...

Теперь же с «культурой» — смешнее. Я вообще люблю стильность, г. читатель... По-моему, уж коли ты европеец с виду — так будь европейцем и по нутру, а коли нет — так и не лезь куда не надо.

А устюжанин сейчас — ни Богу свечка, ни черту кочерга, так — какая-то смешная мешанина, «кот в сапогах».

Вот, например, был на кладбище. Удивительно красивое место. Хорошо бродить между могилами. Бродишь это и видишь старенькую плиту, а там стишок.

Расцвела и вдруг увяла,
Словно розовый цветок.
От семьи своей отстала,
Как от стада голубок.

Я очень люблю такие стихи. Они стильны... Так и рисуешь себе отроковицу, которая погребена под этой скромной плитой. Одета в розовенькое платьице, с цветочками в волосах, она сама ходила не раз на могилу к дедушке и бабушке, а теперь вот и сама умерла...

Или вот еще:

«Здесь покоится (имя рек), родился тогда-то, умер тогда-то и существовал во времени столько-то».

Удивительно красиво звучит это «существовал во времени», вырезанное на обветрившейся плите. А дальше стоит: «из завещ. родителя». «Мирный посетитель гроба моего, вспомни, что совершенство не приобретается на земли, ежели я не мог быть совершенно добр, то не хотел быть и злым; похвала и порицание не касаются того, кто находится в вечности, но сладкая надежда на искупителя моего сопровождает меня во гроб...»

Здесь, вероятно, лежит кто-нибудь, похожий на древних патриархов.

Имел длинные седые волосы, нависшие брови, из-под которых смотрят на нас серые, пронизательные глаза, длинный кафтан, напоминающий одежды иудейских пророков, — вот его портрет.

А вот еще:

Весть печальная постигла нас
Что дочь Софья как бы унеслась из глаз.
Увы! Куда ты милая девалась
Ты была у тетки, но там тебя не оказалось...
И скоро сердце вестее узнало о тебе
Что ты уж бедная находишься в реке.
И труп твой найден был в 9-й день на дне
Тогда как твой родитель находился вдалеке.
А теперь твой прах покоится среди милых мне детей
До радостных для всех нас светлых дней..
И так, спи дитя мое до радостного дня
Пока не вострубит всеобщая труба
Тогда и я воскликну: Се аз и дети яже даде Бог.
А теперь пока спокоен: Яко с нами Бог...

Как видите, целая поэма. Даже грамматические ошибки не раздражают глаз.

Как-никак, а искреннее чувство ясно видно в этих словах.

Вероятно, немало потрудился автор эпитафии над ней...

Это образцы старого Устюга. А тут же стоят памятники и эпохи «культуры». Памятники как памятники: холодные, формальные, с официальной надписью: здесь покоится такой-то, «надворный советник» или «потомственный и почетный гражданин» — одним словом, официальная надпись с перечислением всех чинов и орденов и с грамматическими ошибками. Ни тени, ни искры чувства не видно в них, и ничего они не говорят уму и сердцу...

Как хотите, читатель, а я решительно предпочитаю старый, «степенный» Устюг новому, «культурному»!..

А говоря вообще, если, г. читатель, побываете в Устюге, то непременно побывайте на кладбище!

Ну, а об Устюге пока довольно. Поболтал, пора и перестать!

Жаркий июньский день. Воскресенье. В час дня «Яренск» отходит от Устюжской пристани, и я отправляюсь на Удору для этнографических исследований.

В каюте страшно душно — нет никакой возможности работать, поэтому volens-но lens приходится идти на палубу... Приглядываюсь к публике. Пара каких-то чиновников, несколько дам и барышень и десяток крестьян... Интересного почти ничего... Разговоры какие-то нудные, скучные... Зато природа живет вовсю. Река, залитая солнцем, вся блестит и любовно отражает в себе высокие берега с коричнево-желтыми тонами.

Через пять часов мы в Котласе... Пересаживаемся на «Сольвычегодск»... Выхожу на пристань. Много народу. По разговору сейчас узнаю зырян. Загорелые, грязные, со своей лаконичной речью, они кажутся какими-то грубыми, неотесанными дикарями... Одна девушка, вижу, что-то жует... Приглядываюсь и различаю кончик хвоста трески, а молодой парень, — очевидно, ее брат — набивает свой рот белым хлебом. Каждый везет домой кто ружье, кто косу, кто что-нибудь другое.

— Оланн-д-выланн-д, кытысь бур-иезо? ¹ — обращаюсь я к ним.

— Небдыньсь ², — отвечает мне пожилой зырянин.

— Все из Небдина? — продолжаю я.

— Нет, есть из Палевиц, из Жешарта и из других мест.

— Те, тайно, коми, кытысь но очид? ³ — в свою очередь спрашивают меня...

Я отвечаю, и слово за слово начинается разговор...

Оказывается, большая часть возвращается домой с пермских заводов. Суровая нужда заставляет их уходить за несколько тысяч верст из дому. И благо бы, если бы была какая-нибудь польза от этого, а то ведь, проработав всю зиму, почти все возвращаются домой ни с чем.

— Хоть брюхо-то сыто, — разъясняет мне мой собеседник.

Г.г. различные «колонизаторы», исследовавшие пять-шесть волостей, постоянно «открывают» «сотни тысяч десятин» земли в районе зырян и, главное дело, «земли свободной, не занятой, якобы, населением и вполне пригодной для земледелия».

И однако (странное дело!), зырянин за гроши идет на заводы, за гроши идет на плоты и сам бежит от «свободных тысяч десятин» в Сибирь. Мне уже не раз приходилось отмечать в статьях этот странный факт.

Объяснить его можно было бы, с точки зрения колонизаторов, только абсолютной глупостью или ленью зырян, не умеющих брать то, что у них лежит под носом. Так оно отчасти и объяснялось различными лицами. Но, конечно, все эти «объяснения» представляют попросту один абсурд и незнание дела... При более внимательном изучении окажется, что существование быстро открываемых тысяч десятин «свободной» земли находится больше в головах «открывателей», чем на самом деле... (См. об этом хотя бы мою статью «Печорская экспедиция» в № 8, 9 и 11 «Известий Архангельского общества». Там же приведены мнения и других знатоков дела.) Не более основательными окажутся и различные речи о невежестве, непрактичности, умственной бедноте зырян и т.д. (см. ниже).

Зная, что часто при работе на заводах многие бывают задавлены деревом или ранены, перевел разговор на эту тему.

— В этом году у нас все благополучно; вот только этот паренек что-то занедужил-ся, — отвечает мой собеседник, указывая на высокую согнутую фигуру мужика.

Бледное чахоточное лицо, впалые щеки и какая-то усталость бросаются мне в глаза.

— Простудился, кажись, он и вот все и кашляет, кровью харкает.

— А дома-то он был здоров?

— Здоровый, конечно. Недавно поженился и пошел, а теперь вишь, что из него стало...

Знакомому с условиями работы на этих заводах приходится удивляться не то-

¹ Здравствуйте, откуда, добрые люди? (Прим. автора.)

² Небдино. (Прим. автора.)

³ Ты, оказывается, зырянин, откуда же сам? (Прим. автора.)

му, что там могут «нажить» чахотку, а тому, что еще слишком мало людей «простужаются», наживают чахотку, ревматизм и пр. Полное отсутствие каких бы то ни было гигиенических условий, работа в продолжение всей зимы по пояс в снегу, ночевки в наскоро сделанных лесных баньках, питание гнилыми продуктами, продаваемыми заводом же втридорога, постоянные штрафы за каждую мелочь, сводящие «на нет» весь заработок человека, а иногда заставляющие его и впадать в долги, — вот, кратко говоря, условия работы на пермских заводах...

К этому прибавьте еще нередко бывающие несчастные случаи при рубке леса, и картина получится довольно верная.

Но... «Нужда скачет, нужда пляшет...» и делает из здоровых людей только их тени...

И каким-то грустным укором казалась мне эта согнутая, тощая и бледная фигура чахоточного, сидевшего молчаливо с опущенной головой среди шума и суеты Котласской пристани.

— Берегись! — крикнул мне матрос, тащивший какой-то громадный куль.

Несмотря на сильную жару, работа на пристани шла полным ходом. Загорелые, вспотевшие грузчики беспрестанно проходили от сараев на пароход и обратно.

Вот один поскользнулся и упал с мешком муки... Его коллеги хохочут...

— Раненько, брат, спать-то...

— Смотри, постель-то не очень мягка, кости переломашь.

Упавший встает и снова берет свою ношу, не показывая вида, что ушибся... Нельзя, засмеют... Ломай голову, но не показывай, что ее сломал.

Между тем пароход все стоял да стоял... Общество не церемонилось с пассажирами. Расписание у него висит на пристани, а дела до него нет никому. Пароход давно бы должен был уйти по расписанию, но... изволите ли видеть, из Архангельска должен прийти пароход, так уж заодно наш пароход прихватит пассажиров и с него. Не беда, если лишних 5—6 часов прождут пассажиры!.. Такова психология руководителей общества.

Кажись бы, и общество большое, и действует оно по-европейски, а все же наши милые пошехонские нравы нет-нет да и дадут себя знать...

Но, наконец, ожидаемый пароход явился, пассажиры перебрались, и мы тронулись... Пассажиров и так в Котласе было много, но теперь в 3-м классе стало нечто невообразимое. Буквально нельзя было пройти, не наступив кому-нибудь на руку или на ногу... Люди были набиты, как сельди в бочке. Шум, гам, духота, люди, лежащие на полу, на дровах и наполняющие весь трюм...

Сначала зыряне не хотели было идти в трюм... Но матросы прямо схватывали «нежелающего» и попросту сбрасывали вниз...

У общества опять-таки имеется расписание числа пассажиров для каждого парохода, но... расписание — расписанием, пусть оно на здоровье висит, а делается дело помимо его. Вали сколько есть народу, укладывай его один на другого, как поленья, чего тут церемониться! И укладывают, и вают... Хочется сказать обществу: «Милые пошехонцы! стилизованные на европейский манер! пощадите же немного людей! Ведь они хоть и не в котелках и без манжет, но все же созданы «по образу и подобию Божию»!».

А пароход шел да шел. Синее небо безмятежно обнимало землю, и земля, молчаливая, полная сладкой неги, покоилась в его объятьях... Прибрежные кусты и луга заснули сладким сном грезы и очарования... Яркая вечерняя заря купалась в теплых и нежно-чистых струях Вычегды, а она лежала застывшая, блещущая жизнью и полная каких-то тайн... Пароход врезывался в зеркальную гладь и разбивал ее, оставляя после себя волнующийся треугольник, переходящий потом в мелкую рябь...

Захваченная мной на палубу «Sociologie de l'action»¹ лежала рядом. Хотелось посмотреть, а не читать...

Берега вырастали и отходили назад, и вся эта картина как-то не мирилась с тем, что делалось кругом... На великой красоте и безмятежном спокойствии природы резко выделяются темные пятна человеческой жизни...

— Простите, вы, кажется, тоже зырянин? — перебивает мои думы высокая девушка.

¹ Работа социолога Е. В. Роберты (1843—1915).

— Да...

— Так помогите вот нам перевести эту песню... Рекомендую, венгерский ученый, едущий изучать зырянский язык...

Знакомимся.

— Какая песня?

— Вот она.

Оказывается очень распространенной зырянской песней «Шонды-баной, оломой».

— «Шонды» — солнце? — спрашивает венгерец со своеобразным акцентом.

— Да.

— А «баной»?

— Лицо.

— Лицо же ведь «бан».

— Да, но это Vocativus.

— А... А «оломой»?

— Vocativus от олом — жизнь...

Слово за слово, эта грустная песня зырян, спрашивающая о том, где осталась молодая, яркая, как солнце, жизнь, и отвечающая, что нигде она не осталась, а просто у нас не хватает сил и ума, чтобы жить такой жизнью, — доводится до конца...

Начинается разговор... Симпатичное молодое лицо, добрые синие глаза и приятный грудной голос — таковы черты молодого ученого.

Оказывается, он командирован из Будапештского университета специально для изучения языка зырян.

— А теперь куда вы едете?

— В Устьсысольск.

— Почему же туда?

— А туда меня к Базову направил Паткошов.

Я объясняю, что Базова, вероятно, нет там, что он в Питере держит или готовится к экзамену на зрелость, и даю ему визитную карточку к А. А. Цемберу¹, знающему хорошо и русский и зырянский языки и занимающемуся изучением зырян... Получаю взамен его карточку. Читаю: «Fuchs David Rafael».

— Ну, а долго вы останетесь в Устьсысольске?

— Недолго... Приедет товарищ, мало поучусь зырянскому языку и потом поедем Мезень и Вашка...

— Мой путь тоже туда лежит. И я тоже еду как этнограф.

— А, вот хорошо-то...

Зная русские обычаи, я справляюсь о том, есть ли у него какой-нибудь «открытый лист», иначе могут быть недоразумения.

— Есть. — Показывает «carte blanche» общества изучения Азии и Монголии.

— И у вас тоже?

— Нет! У меня от Императорского географического общества.

Даю далее советы относительно земского билета для проезда на лошадях и др.

Дальше разговор переходит на зырян и зырянский язык.

— Зыряне мне очень нравятся. Хороший народ. А зырянский язык — удивительно богатый язык.

Мне оставалось только соглашаться с ним.

— Но знаете, положение его теперь неважное. Из школ сознательно или бессознательно он изгоняется. Ученики, разговаривающие на нем, — наказываются. В ряде школ (напр., Гамской) убавлено большинству учеников поведение только за то, что они разговаривали на родном языке.

— Почему же?

— Не знаю. Какие цели этими мерами преследуются и что хотят достигнуть...

— Не что иное, как уничтожить зырянский язык, — раздается хриповатый, низкий голос рядом со мной. Оглядываюсь и вижу священника.

— Да и давно пора, — доканчивает он.

— Зачем же его уничтожать?

— А что из него толку-то, все равно он исчезнет.

¹ А. А. Цембер (1874—1957) — краевед, преподаватель Устьсысольского городского училища.

— Совершенно верно, батюшка, — присоединяется к нему какой-то тучный и полный чиновник, стоявший тут, заложивши руки в карманы и расставивши ноги наподобие сторон равнобедренного треугольника.

— Но, позвольте, всякий язык представляет прежде всего громадную культурную ценность, над его созданием работают целые поколения людей — уже из-за одного этого язык имеет право на жизнь.

— Э, чепуха... Объясняться можно и по-русски, да и удобнее, ибо он язык целого государства.

— Но ведь зырянский язык вовсе не мешает русскому языку, напротив, только тогда русский язык можно хорошо усвоить, когда знаешь и понимаешь свой язык.

— Чепуха.

— Но ведь это же элементарное педагогическое правило.

— Чепуха...

Становилось довольно трудно спорить с «отцом», на все отвечающим словом «чепуха».

— Зырянский язык через 10—15 лет все равно вымрет, — победоносно вторил «равнобедренный треугольник»...

Какой контраст! С одной стороны, человек, приезжающий сюда за тысячи верст, специально для изучения языка, восхищающийся им, а с другой — пара людей, живущих среди этого же народа и старающихся уничтожить его язык.

Г. Fuchs все время сидел и удивленно смотрел. Для него эта маленькая баталия была непонятна...

Ничего, г. Fuchs, поживете подольше, не таких еще чудес увидите!..

Проехали Сольвычегодск...

Ночь была теплая. Река оставалась такой же спокойной, как и раньше.

Кругом везде было тихо, только наш пароход один шел и шумел...

Хотелось сидеть и сидеть на палубе...

— Удивительные у вас ночи, — сказал г. Fuchs, поглядывая на часы. — Если бы не часы, то можно было бы подумать, что теперь еще только вечер...

— Да. Это знаменитые северные белые ночи...

В светлых голубых сумерках отчетливо выделялись прибрежные леса и местами луга с пестрым ковром цветов...

По воле летает орел молодой,
Летавши по воле, добычу искал... —

донеслось снизу. Чей-то грудной голос ровно и плавно рассказывал о вольных полетах молодого орла...

Искавши добычу, сам в клетку попа-а-ал... —

грустно застонал он... Тишина реки, молчание прибрежного леса и общий неясный гомон вторили песне...

Сижу за решеткой в темнице сырой;
Вскормленный на воле орел мо-о-ло-д-о-ой... —

лилась песня...

Чья-то душа, такая же вольная и молодая, тосковала там, внизу, среди невыразимой духоты и тесноты...

Ах ты, да милая моя,
Хорошенькая шейка.
Па-а-любила ты меня,
Так люби ха-а-рашенько, —

перебивает песню об узнике какой-то пискливый голос. Такая же пискливая гармоника вторит ему, и песня об орле теряется среди общего шума и частушки...

Но мало-помалу шум стал стихать, и публика, очевидно, начала засыпать... На палубе также публики убавилось, и громкие разговоры сменились нежным и тихим шепотом...

Ночь постепенно все покрывала пеленой молчания... Только один пароход не мог уюмониться и, весь дрожа, продолжал брюзжать...

«Та-та, та, та, та, та» — брызжали и плевались колеса...

Яркая заря по-прежнему купалась в струях Вычегды, и она по-прежнему отражала в себе прибрежные кусты и леса...

Но вот на светло-голубой глади реки показалось одно пятно, затем другое и третье... Пятна становились все больше и больше, их неясные очертания превращались постепенно в правильные четырехугольники... Это плыли плоты... Издали видны наклоняющиеся и выправляющиеся фигуры гребцов... Посредине горит огонек, и на нем черным пятном выделяется подвешенный на тагане чайник...

— Шаба-аш, — доносится до меня.

«А-а-а-ш», — повторяет эхо...

Фигуры вздергивают весла и стоят, смотря на пароход.

— Чей лес? — спрашивает кто-то с кормы...

— О-о-овский... — доносится с плота...

И плот несется дальше... Чем дальше едем, тем они встречаются чаще и чаще. И плывут, и плывут великие северные леса вниз, в чужие края. Целыми десятками и сотнями тысяч ежегодно падают лесные великаны, свозятся и сплавляются. Реже и реже становятся боры и еловые тайги, и лесные богатства Севера расхищаются и исчезают.

А тут еще пожары, уничтожающие лес на пространстве десятков верст, буря, валящая и ломающая лесных богатырей, — все это ведет к тому, что при таком «рациональном» ведении лесного хозяйства скоро будут уничтожены почти все леса Севера, несмотря на их необъятность.

Реки уже быстро мелеют... Чем дальше, тем больше и больше...

— О, когда все вывезут, тогда не жди от нас добра, тогда нам жить будет нечем, тогда мы забунтуем! — говорил мне один мужичок из одной деревни...

И, пожалуй, он прав. Охота и лесной промысел до сих пор составляют главные занятия зырян, после земледелия, а кой-где они и важнее земледелия.

Охота по Вычегде и Сыsole уже потеряла и теперь свое бывшее значение, и все больше и больше падает... убывает лес, будет падать и лесной промысел. Одним земледелием прокормиться население едва ли будет в состоянии. Всевозможные заводы пока еще только в проекте, а реализуются ли эти проекты — это еще вопрос.

Эх! как в Соломбале ¹ — на рынке

Да потонула крыса в крынке...

Да, эх! дубинушка, ухнем...

Да, эх! зеленая сама пойдет...

Ура! Ура! —

прервало мои размышления... Посреди реки виднелся застрявший плот, и кругом люди по пояс в воде раскатывали бревна... «Ура» — было какое-то отчаянное, судорожное и в то же время придушенное...

«Да, э-э-х! дубинушка, ухнем!» — подхватывали остальные. «Эх! зеленая сама пойдет! Ура-а!» — и действительно «зеленая» сама шла, но... только люди вот целыми часами стояли в воде и до изнеможения работали над этой «зеленой»... Что ж! Человек любит себя тешить многим... А если уже нельзя ничем тешить, то он убаюкивает себя сказками и иллюзиями...

«Зеленая сама пойдет!» — ничего, что целыми часами приходится стоять в холодной воде, что приходится работать до одурения и питаться черт знает чем...

Все же «зеленая сама идет!» Не знаю, есть ли у других народов что-нибудь вроде этого, а для нас эта дубинушка очень характерна...

Хотя дело на 1/1000 вершка не подвигается, а мы все-таки свое: «сама идет, идет, пойдет, да эх!»

И действительно, все у нас «само идет», но... но только часто стоит на месте, а частенько... и раком пятится...

Удивительные люди!

Пароход уже оставил позади плот, а уханье и «сама пойдет» доносились все чаще, и неизвестно, долго ли еще будет идти это «сама идет»... Бывает, что оно продолжается сутки и двое.

¹ Один из районов Архангельска.

И люди, за небольшими перерывами, все время возятся в воде, наживают ревматизмы, простуживаются и возвращаются домой умирать...

А мотив? Обратите внимание на то, что нет в нем ни стога, а весь он какой-то разудалый и разухабистый...

И запевы тоже все веселые, сальные...

День почти уже начинался, яркая утренняя заря становилась все ярче и ярче, когда я сошел вниз... Повсюду распластались человеческие тела и спали тяжелым, кошмарным сном...

На другой день к вечеру мы подъехали к Яренску... Мне было нужно заехать по делам в Яренск, а оттуда на лошадей я решил ехать на Мезень и Вашку (на Удору)... На Яренской пристани пароход встречают несколько лиц и полиция... Вместе с одним учителем мы нанимаем лошадей и едем от пристани в Яренск (3 версты). Я довольно давно не был в Яренске, поэтому думал найти кой-какие перемены... выросло новое здание городского училища, земской управы, уменьшилось число политических ссыльных — вот и все, что я сразу заметил.

Переночевав у одного знакомого, я на другой день пошел по делам, кое-что разузнал, и тогда перемены, происшедшие за последние годы, оказались более существенными...

Второй новостью Яренска был для меня значительный поворот курса земства направо, по крайней мере, в некоторых пунктах, а именно в деле снабжения народных читателей журналами и газетами...

Раньше выписывались в народные земские библиотеки такие журналы и газеты, как «Вестник знания», «Биржевка», «Современное слово» и др. Теперь выписываются «Россия», «Русское чтение», «Дружеские речи», «Сельский вестник», из журналов остались только «Нива», «Родина» и «Солнышко».

Волей или неволей совершился этот поворот — неизвестно, но факт остается фактом, хотя в других пунктах курс земства остался и прежний. Впрочем, необходимо еще отметить то, что в земстве за последнее время значительно усилилось влияние духовенства. Результатом этого является увеличение земской субсидии на церковные школы, и одно время, говорят, был даже проект передачи всех земских школ в ведение духовенства...

К числу новых явлений относится и уменьшение числа ссыльных. Раньше в Яренске их было несколько сот, теперь осталось всего 30—40 человек. За последнее время приток «новых» почти совсем прекратился, и вот только за последнее время студенческие волнения забросили кой-кого и сюда... В тот же день после полудня я выехал на Удору, намереваясь останавливаться по дороге в наиболее глухих деревеньках и селах.

Солнце ярко сияло на бледно-голубом небе, когда я выехал из Яренска. Лошади быстро неслись по ровной и широкой дороге. Кругом сосны и ковер цветов (по краю дороги). Колокольчик заливался вовсю и пел о чем-то весело и звонко... Вот и Межог — первое зырянское село. Для меня места слишком хорошо знакомые. Заехал в д. Римью (Реми). Почти никого из мужиков нет дома — все либо на сплотке, либо на сплаве леса. Собираются старушки и малыши в дом, где я остановился. Народ все знакомый, здороваемся, и начинаются разговоры.

Попили чайку, и я перехожу к песням, сказкам, пословицам, обычаям и т.д. Все, что знают, с удовольствием передают...

— А вот уж насчет сказок и песен, так спроси у Павлы, — советуют мне.

Я Павлу знаю очень хорошо. Это девушка лет 11—12.

— Ну что, Павла, давай, расскажи и мне...

Стесняется, краснеет, но подходит к столу, садится и скоро начинает: «Важон олисны-вылисны гоэья...»¹

Тихо и плавно полилась речь, и я с восхищением смотрел на эту маленькую поэтессу, с синими глазами, образно и художественно рисовавшую мне причудливые миры с богатырями, лешими, колдуньями и т.д. А она уже забыла всякое стеснение, вся ушла в рисуемый ею мир и играла неподражаемо тех героев, про которых она рассказывала. В избе стояла полная тишина. Все смолкло, и только нежно и звонко лился чистый голосок Павлы. Одна сказка сменялась другой, после сказок пошли песни, и я удивлялся все больше и больше маленькой художнице и бо-

¹ В старину жили-были муж с женой... (Прим. автора.)

гатству ее знаний. До самой ночи лились рассказы и возобновились на другой день. На третий день к вечеру я выехал из Римьи.

За те два-три года, которые я не был здесь, совершились значительные перемены. Повсюду видна печать переходного времени. Рядом со стариками в холщовой рубашке и посконных штанах виднеются парни в пиджаке, шляпе, брюках навыпуск и при часах... Рядом с довольно громоздким домом красуется масса новых домиков, с балконами, с большими окнами, с резьбой, на окнах видны занавески, цветы и т.д.

И Римья стала с виду неузнаваемой. Почти совершенно исчезли старые избы с маленькими окнами, громоздкие и неуклюжие. Выросли новые изящные дома с мезонинами, построенные на «городской» лад. Удивительно быстрая смена! Она объясняется большой переимчивостью зырян. Эта способность подражать — вообще характерное свойство зырян и проявляется повсюду.

Проехал Жешарт... Дорога пошла по сухому, светлому бору. Тени уже охватили низы деревьев, а верхушки их еще утопали в золоте заходящего солнца. Местами попадались поля. В чистом воздухе резко и отчетливо выделялись контуры деревьев, огородов и хлебов. Нежно-зеленая краска поспевающей ржи как-то удивительно гармонировала с бледной синевой неба и с темно-зеленым плащом леса.

Лошади бегут, колокольчик позванивает, и какое-то глубокое наслаждение охватывает меня; хочется долго, долго ехать и видеть эту же картину северного заката...

— А что, Александрович, — обращается ко мне ямщик, — видел ты, как люди летают?

— Да, видел.

— Вот бы посмотреть-то, — вздыхает он, когда я объяснил ему устройство машин и самые полеты.

— А с чего это ты спросил-то?

— С чего? Разве не интересно? Мы вот тут сидим, ничего не видим, только разве что в «Ведомостях» прочтем, али кто расскажет... хотелось бы вот и самому поглядеть, как это люди живут в других странах и какие вообще чудеса есть на свете... Интересно ведь...

Вот и Гам. Встречаю знакомых, кланяюсь и еду дальше... Солнце уже зашло, но яркая заря продолжает играть на небе. Светло настолько, что свободно можно читать и писать всю ночь. А места — прямо удивительные! Горы и горы с огромной великолепной перспективой. То поднимаешься вверх, то спускаешься вниз. Воздух до удивления чист и ясен. Из зелени лугов, лесов и полей блестящей лентой выделяется внизу Вычегда...

Какое богатство цветов! Я жалел, что я не художник, и удивляюсь, почему пейзажисты до сих пор пренебрегают Севером. Думается, что трудно найти где-нибудь большего богатства цветов и их комбинаций. Разноцветные тона, причудливо сплетаясь между собой, представляли удивительную картину, — хотелось смотреть и не отрываться...

По дороге от Айкина перед нашей телегой вырастает силуэт мужика...

— Если увидите там лошадь, то возьмите ее, — обратился он к нам.

В голосе слышалось рыдание.

— Какую лошадь? В чем дело?

— Ехал я из Кожмудора, и вот в том конце напали на меня пьяные мужики и стали просить водки. У них, вишь, праздник... А откуда я возьму водку? Ну и побил меня, да и лошадь отняли...

Силуэт исчез, и мы двинулись дальше.

Одним из темных пятен современной зырянской жизни является «ушкунничество» в праздники. Раз праздник, то — водка (которую пьют почти исключительно по храмовым праздникам). А раз водка — то драка, превращающаяся часто в коллективную свалку. Драки бывали и раньше, но в «доброе, старое время» эти драки велись «по милому делу», пускались в ход только кулаки. Теперь же не редкость — употребление ножей, топоров, поленьев и т.д. — в драке. В итоге — всегда почти один или два серьезно раненных, а иногда и убитых. Это явление особенно распространено по Сыsole, около Устьсысольска, по Вычегде в с.с. Палевицы и Коквицы и постепенно распространяется по всей Вычегде. Только Печора и в особенности Удора свободны от этих пятен.

Несомненно, эти факты — явления переходной эпохи, переживаемой теперь зырянами. Имея склонность к подражанию, зыряне познакомились с «культурой», на отхожих промыслах переняли кое-что из «культуры»...

Лишившись старых «устоев» и старой «почвы» и не успев еще выработать новых основ, они почувствовали (как это всегда бывает), что «все позволено». В результате такого положения дела — ушкунничество. И вылечить от этой болезни удастся, конечно, тоже не иначе, как через школы и развитие знания...

Но... в социологические тонкости некогда пускаться — едем дальше...

Дорога своротила в сторону от сел, и мы выехали на Удорский волок (около 140 верст).

С какой радостью въезжал я в лес. Давненько уже не видал я тайги и стосковался по ней... Мало-помалу исчезли поля, огороды, и дорога пошла по низинам, сырым местам, стиснутая с обеих сторон диким и глухим лесом...

Мрачно и дико. Ели, с редкими березами, стоят какие-то сумрачные и невеселые... Местами во второй половине волока они сменяются сосновыми борами.

Ехать приходится тихо, дорога неважная, идет по болотам и ввиду этого вся устлана деревьями.

Появились целые тучи комаров... Облепляют лицо, руки, шею... Нет спасения. Пытался было отогнать их, но, видя бесполезность попытки, махнул рукой и предоставил себя в их распоряжение. В результате — за ночь так великолепно отдела-ли, что лицо, шея и руки все покрылись красными пятнами и опухли... Отъехали верст 20. Догоняем удорцев, ездивших в Яренск за мукой (почти за 200 вер.). Распрягли лошадей и отдыхают. В стороне на телеге лежит баба, и тут же раздается какой-то писк.

— А вишь, дорогой-то родила, — объясняет коренастый, здоровый удорец с «кукилем»¹ на лице. — Комары беспокоят ребенка, вот он и пищит, — спокойно добавляет он.

— Ну, а что с родившей, все благополучно?

— А чего ж ей будет, родила и ладно. Вот отдохнем и поедем...

Нечего сказать! Не угодно ли — родить для моего собеседника — плевое дело. «Родила и ладно!» Ничего, что в дороге, ничего, что дитя появляется и сразу же отдается во власть комарам!..

— Э, добрый человек! Мало ли что в дороге не бывает. А родить — это ничего. Оно, конечно, ребенку-то плохо от комаров, да ничего — не съедят ведь — скорее привыкнешь!..

Скоро приехали в Чуб — первая избушка (земская), для перемены лошадей... Таких «зимовок» на волоку пять, здесь можно напиться чаю, поспать, переменить лошадей и т.д.

Через 3 1/2 часа я прибыл в Яреньгу (поселок в 3 дома).

Едва я успел войти в станцию, как вошел за мной парень лет 26—27.

— Откуда будете и куда проезжаете? — галантерейно начал он. Манеры и речь сразу обнаружили солдата...

— Не можете ли вы похлопотать вот насчет разных делов, — продолжал он. — Вот, примерно, у нас тут большое стеснение в лесу, рубить не дают, штрафуют, а лесу цельная уйма — весь даром гибнет, да и хлебам мешает он — потому замерзают они...

Я ответил, что, несмотря на мое желание помочь, я ничего не могу сделать. Известная правда была, конечно, в словах говорившего. Действительно, несмотря на обилие леса, на то, что страшно много гибнет его зря (от бурь, от пожаров), население все же ограничено в пользовании им. Этот факт влечет за собой намеренные поджоги со стороны населения, и таким образом громадные пространства леса гибнут даром...

— Ежели нам не дают, то пусть пропадает и никому не достается! — говорили не раз мне зыряне. — А к тому же, ежели подпалишь, то паленый-то лес дешевле дают...

Как бы странно ни казалось, но гораздо выгоднее для казны предоставить лес крестьянам даром, чем брать за него хотя бы и пониженную плату, потому что само население будет гораздо бережнее обращаться с лесом...

— А вот не можете ли вы прошеньице написать насчет того, — продолжал солдат, не обратив внимания на мои слова. — Вот теперь земство проводит на Удору новые дороги, по эвтой, значит, дороге никто не будет ездить, и жить нам тут бу-

¹ Сетка от комаров. (Прим. автора.)

дет невозможно, потому зимой дороги не будет. Так вот бы помощь, што ли, какую дало бы земство для переселения...

— Но ведь у вас же земли и лугов — уйма, зачем же вам переселяться?

— Оно земли-то много, говорить нечего. Да вот дороги-то не будет зимой...

Я отговорился тем, что ничего не знаю, и скоро уехал из Яренги... Солдат, видно, был делец и пользовался случаем выпросить и посоветоваться со всеми, но вместе с тем в нем как-то ясно проглядывал будущий «кулак» и «почвенный человек»...

Потом оказалось действительно, что у него была мысль переселиться в город и открыть там «трактирчик»...

В Яренге дали мне ямщицу — молоденькую девушку.

— Вы, поди, и править не умеете, — заметил я, садясь в телегу.

— Я-то? Ну-ко, садись давай, — пренебрежительно заметила она.

Едва я успел сесть, как она гаркнула, свистнула, и лошади полетели...

В гору или под гору, не обращая внимания на тряску, она гнала лошадей во «весь мах»...

Я сидел, как мячик прыгал «семя и овамо» и боялся только того, что вот-вот наша ось полетит к черту, либо лошади свалятся с ног... Но ничего, благополучно доставила она меня на следующую зимовку.

Она оказалась знаменитой на всю Удору ямщицей — Парасковьей.

— Лошади меня знают и сами бегут, — говорила она мне обратной дорогой...

А дождь все накрапывал. Одна зимовка проходила за другой, и в сущности картина мало менялась... Те же леса, те же цветы по краям дороги, тучи комаров и оводов, жара в зимовках, комары, лезущие в рот вместе с чаем, и т.д. К вечеру я подъезжал к Буткану, первому удорскому селению.

Буткан — глухая деревушка... На станции — мухи, комары, клопы и грязь¹.

Вошел старик — хозяин. Начались разговоры... Пригласили слепого старика, сказочника Пукоева, и за кипящим самоваром полилась у нас беседа о былом и настоящем...

Прихлебывая горячий чай и закусывая «кределями», два старика рассказывали мне о леших, водяных, о старых богатырях, о старых «чудских» преданиях и о различных современных обычаях и обрядах из области религиозных верований, семьи и обычного права... Старик хозяин оказался прекрасным охотником; 12 медведей убил он на своем веку и немало имел дела с лешими и водяными...

— Лежу это раз я на лавке в «пывсяне»² и смотрю в окно. А дело было под вечер. Вдруг кто-то отворил дверь и цап меня за ноги... кой черт! думаю это. Не успел оглянуться, как он потащил меня — только щека «сгуркала» по полу. Опомнился, смотрю, дверь настежь открыта и никого нет... Испугался, что говорить. Схватил палку с железным наконечником, обвел черту вокруг баньки и всю ночь не мог спать, — рассказывал хозяин свои знакомства с лешими и пр. господами...

А Пукоев, слепой — как древний Гомер, плавно и художественно рисовал сказочные миры и рассказывал про древних героев: про Патрака, про Ярана, про знаменитого юриста — Балина³, ходившего к самому Николаю I, и др...

Тихо шипел самовар, жужжали мухи и комары, а речь лилась и лилась...

Прошлое воскресало в яркой и красочной речи седого Гомера — лесного поэта.

Слушать этих старых сказочников величайшее художественное наслаждение! Приходится прямо удивляться стильности и красоте их языка, который, к сожалению, я не могу передать по-русски...

И долго шла у нас эта беседа, прерываемая питьем чая, который мы пили «до седьмого поту»...

Когда я ехал на Удору, то думал, что здесь старинных форм быта сохранилось несравненно больше, чем в других районах зырян. Однако, оказалось, что мои ожидания были правильны только отчасти...

Народ почти поголовно, особенно начиная с Кослана, говорит по-русски, малыши также поголовно грамотны, холст почти совершенно вытеснен ситцем, боль-

¹ Теперь станция переведена уже в др. дом. (Прим. автора.)

² Лесная избушка. (Прим. автора.)

³ Вероятно, Дмитрий Балин, руководитель крестьянского движения в Коми крае в 30-е гг. XIX в.

шая часть домов построена по-«городски», одним словом, Удора в смысле культурности едва ли не выше всех других зырянских районов... Но характерно вместе с этим и то, что здесь как-то старые пережитки вполне мирятся с этими «новшествами»... Так, сохранились еще формы брака путем «умыкания» и «купли», масса верований в различных колдунов, «шеву», леших, водяных, домовых и др.

От Буткана до Кослана 15 верст пришлось ехать на лодке, сначала 2 версты по озеру, потом по Мезени...

Лодка быстро плыла по Мезени. По берегам кустарники и луга, а дальше полоса леса.

— Вот тут, около Черныба, был, говорят, чудской город «Кар-Норыс», — рассказывал мне Пиль, правивший лодкой. — Когда Степан¹ пришел крестить туда, его не пустили, заперли ворота, и чудской князь решил умереть, а не креститься... А был он с крыльями. И пришлось Степану уйти обратно за солдатами... Когда пришли солдаты, то взяли город приступом, кого поубивали, кого силой крестили, кто убежал, а сам князь, бают, улетел куда-то... А была у того князя дочь, красивая молодая дочь. Одеда она лисью шубу, села в лодку и запела!.. (перевожу дословно):

Мой дорогой «Кар-Норыс»,²
Место, где ела я сладкую крупу,
Полная рыбы речка
Остались! Пропадайте!

И бросилась она в реку. И пропала ее бедная головушка, — закончил он. — Ну, гребь, нечего слова-то ловить, — заметил он девушке, сидевшей за веслами, а сам продолжал: — Немало тут было в старину разбойников и богатырей... Жили они тут весело. Денег у них было видимо-невидимо. И остались эти денежки, да где их найдешь, разве вот случайно где попадут... А есть в Черныбе местечко, в бору, между двумя речками... Там, бают, столько денег зарыто, что хватило бы на всю Удору, ежели бы нашли; да нет, не могут найти, — с сожалением закончил он...

Подобных рассказов на Удоре фигурирует очень много, и они, очевидно, передаются не без оснований. Перед самым моим приездом один крестьянин случайно нашел в Мыкине пуд с лишним медных денег (Екатерининской эпохи), другой в Ертомe на берегу во время уженья наткнулся на тряпку, где лежали около 20 руб. серебром (времен Екатерины, Анны и Елизаветы)... И такие находки сами по себе не редкость...

Приехали в Кослан, это довольно большое село по Мезени, расположенное на высоком сухом месте (кос — сухой).

Только что успел переодеться на станции — вошел урядник.

— По долгу службы должен узнать, кто вы такой?

Показываю бумаги.

— Может быть, чем могу служить?

— Нет, благодарю вас. Мне нужно потолковать с мужичками, я уж сам соберу их. А то могут подумать, что приехал какой-нибудь начальник, и не будут ничего рассказывать... А это не в моих интересах...

Пока я рылся в различных книгах волостного правления, затем в церковной летописи, около станции уже собрался народ, прослышав о «странном» человеке...

Подхожу к станции, здороваюсь и приглашаю войти вместе со мной... Входят.

— Вот, добрые люди, приехал я к вам издалека, хочу посмотреть на ваше житье-бытье, хочу узнать старинные сказки, песни и предания, так вот помогите-ка мне, порасскажите, кто что знает, — обратился я к ним.

— Ишь ты, — заметил какой-то старик.

— Агто диво, — заметил другой.

— Ну, поди, еще есть какое-нибудь дело, за сказками-то не приехал бы из Питера, — скептически заметил третий.

Вообще, сплошь и рядом приходилось встречать скептицизм по отношению к моим заявлениям о цели поездки...

Зная уже по опыту, что сами они ничего не скажут без более детальных вопросов, я приступил к такому опросу...

¹ Стефан Пермский (ок. 1345—1396) — русский православный миссионер.

² Кар — город, норыс — мыс. (Прим. автора.)

Беседа началась. Я ставил один вопрос за другим и получал коллективно-проведенные ответы...

Село Ертом — одно из главных сел Удоры. Здесь имеется больница, школа, волостное правление, урядник, церковь и теперь появилась «общественная лавка». Народ здесь уже довольно чисто говорит по-русски, хотя по-русски свободно говорят вообще по всей Удоре. Молодое поколение поголовно грамотно... Вообще Удора произвела на меня чрезвычайно симпатичное впечатление. Все благоприятные задатки здесь налицо: 1) народ удивительно здоровый, эпидемий никаких (за исключением скарлатины) не бывает, нет также и венерических болезней по причине строгого и целомудренного взгляда на половые отношения; 2) народ грамотный и 3) «пятна культуры» не успели пока еще проникнуть сюда. Драк почти совсем не бывает, а если иногда и происходят они, то в ход пускается исключительно кулак. Воровства и краж — в помине нет. Замки почти совершенно не употребляются. Все открыто. В селе Важгорте церковь до сих пор не имеет на окнах решеток, несмотря на то, что внутри церкви немало различных ценностей, и несмотря на то, что большие окна расположены всего на высоте 2—3 аршин от земли. Когда меня везли на лодке, то часто мы уходили все за версту и две от лодки, оставляя ее с багажом, и никогда ничего не пропадало.

— Наш человек, барин, не возьмет, этого у нас нет в обычае, а постороннему теперь неоткуда взяться, — говорили ямщики.

Если у охотника во время «лесованья» не хватило пищи, то, найдя ее в какой-нибудь банке¹, охотник хотя и берет ее, но, спустившись домой, первым делом старается узнать, чей был провиант, и затем, сговорившись с его собственником, или платит ему деньгами, или же провиантом.

Наконец, благоприятным условием является и сравнительная обеспеченность населения. Главным промыслом здесь является до сих пор охота. Леса еще сохранились, дичи и зверья в них еще достаточно, поэтому и охота еще не пала и продолжает давать значительный доход удорцу... Удорец и до сих пор по преимуществу охотник... Этим, вероятно, объясняется и его склонность к особому рода мистицизму, выражающемуся в верованиях в различных колдунов, леших, домовых и прочих «персонажей». Имеются целые села, как, например, Муздин, где чуть не поголовно население страдает «порчей» или, как здесь называют, «икотой», вызываемой тем, что какой-нибудь колдун — «тодыс» посылает эту порчу, «шеву». В селе Селибе такой колдуней население считает Евдокию Селиванову, местную 20-летнюю девушку. Она же портит, она же и лечит. Исследование этого явления могло бы дать немалый материал для психиатра...

Важгорт — село большое, бессистемное и грязное.

Здесь два двухклассных училища, больница, волостное правление и т.д. Здесь же зимой с 6 по 18 января бывает ярмарка, куда стекается почти вся Удора. Товары привозятся издалека, начиная от Архангельска и кончая Устюгом.

Как раз на другой день моего приезда ожидалось целых три свадьбы. Хотя временный свадебный ритуал я уже знал, но все же воспользовался случаем и на другой день пошел в дом, где одновременно женился брат и выдавали сестру замуж. Вхожу... В доме как раз идет сватанье... Много народу... За столом сидят сваты... Здороваюсь...

— Откуда будете? — спрашивает главный сват.

Отвечаю...

— А, а... Так... А, что, Питер-то побольше будет Важгорта или нет? — с какой-то иронией продолжает он.

— Как будто немного побольше...

Я отвечаю нарочно по-зырянски, а он продолжает с иронией спрашивать меня по-русски... Лицо умное, энергичное и суровое...

— Зачем приехали?

Так и так, объясняю я, и вот теперь прошу позволения побыть у вас и записать ваши обычаи и порядок свадьбы. Можно?

— Конечно, можно... Да что ты стоишь, садись давай за стол...

Я отказываюсь.

¹ В лесные избушки провиант доставляется вообще раньше и там хранится. (Прим. автора.)

— Нет, отказываться нельзя, у нас уж такой обычай, ежели кто чужой придет, хозяин должен посадить его за стол и угостить, чем может...

Вообще гостеприимство чрезвычайно развито среди удорцев, и каждый хозяин считает своим долгом приютить и угостить всякого пришельца...

Скоро состоялось «рукобитье» и начался «плач» невесты...

На другой день опять тот же «плач». Моя фигура с тетрадью и карандашом в руке, с фотографическим аппаратом на боку — обращала на себя внимание зрителей...

Часть, узнав в чем дело, старалась помочь мне различными разъяснениями.

А невеста продолжала плакать по родным и подружкам.

Вдруг она подходит ко мне и бух в ноги... Я смутился, сконфузился, но, сообразив в чем дело, скорее вытаскиваю деньги и даю ей свадебный гостинец...

Здесь еще сохранились старинные парчовые костюмы. Мне хочется снять их.

Подхожу к девицам и вместе со знакомым мужиком начинаю просить их надеть эти костюмы, чтобы сфотографировать их.

Девушки ломаются... Но, после долгого уламывания, идут наряжаться, и через час они сняты...

Пока мы занимаемся фотографией, раздаются из невестиного дома выстрелы... один... другой... третий... и повторяются снова через небольшой промежуток времени... скоро, значит, пойдут к венцу...

Через некоторое время раздается где-то песня, и на улице показывается целый «эскадрон» девушек верхом на конях... Сквозь тихо накрапывающий дождь сверкают разноцветные попоны и яркие платья всадниц. Выстроившись в ряд, они несутся по улице, и песня, веселая и радостная, разносится по селу... Оказывается, они провожают невесту из деревни... Говор окружающей нас толпы, смех, песня девушек, выстрелы смешиваются в один жизнерадостный аккорд, представляющий странный контраст осеннему виду природы...

Современные свадебные обычаи Удоры обнаруживают ясные пережитки полиандрии, «купля и умыкание» жен живы до сих пор, имеются кой-где следы экзогамии и кой-какие легенды, говорящие о снохачестве... Но распространяться здесь об этом не место...

За Важгортом идет село Чупрово, с деревней Коптюгой кончается Вологодская губерния. Около Важгорта и Чирков встречаются уже олени стада и самоеды, владельцами же стад являются важгортские зыряне — Петровы, Бутыревы и др.

Обратная дорога уже несравненно труднее. Благодаря непрерывному дождю реки разлились, маленькие лесные ручьи превратились в большие речки и снесли все мосты. Дорога положительно испортилась.

Лошади тихо, тихо плетутся.

Дождь надоел до тошноты... Везде серо, скучно... Сидишь в тарантасе и подпрыгиваешь то влево, то вправо. Комья грязи летят в лицо и облепляют глаза, нос, рот... Скверно... На лодке еще хуже... Брезента нет; сквозь одеяло проходит вода; пока едешь на станцию — весь обмокнешь.

Изредка чуть-чуть покажется клочок лазури.

— Никак проясняется?

— Да пора бы уж, а то так залило все поля и луга.

Радуетесь каждому клочку лазури, но проходит час, и снова все заволакивает тучами... Снова моросит дождь. Жаль ямщиков и лошадей...

— И чего смотрит земство, — жалуются мужики.

Но с грехом пополам я снова в Кослане... Оттуда на лодке в Буткан... Мезень разлилась, как в половодье... Несутся по реке бревна, деревья, коряги и масса дров... Дождь на время перестал...

Экой ты, Ваня,
Да эх, разудалая, Ваня, головушка тво-я-я... —

затягивают две девушки на лодке...

Мезень бурлит и пенится... На минутку выглянуло солнце... Песня далеко несутся по волнам реки... становится весело и радостно на душе...

Что ж далеке отъезжаешь от меня?
На кого ты спokiдаешь здесь меня?.. —

льется песня.

Голоса чистые, звонкие...

С кем я буду весну красную встречать?
С кем я буду долгу зиму зимовать?..

Солнышко светит... весело девушкам... весело и мне...
Сажусь и начинаю грести... Славно!..
Вот и Буткан. Дождь снова идет... Хотелось бы заехать в Глотово, но... дождь
уж слишком опротивел...
Айда на Волок! и на Вычегду!!!
Снова лес... зимовки... Вот и Вычегда...
Прощай, славная, милая Удора!..

*Публикация, вступительная заметка и примечания
Юрия Дойкова*